Веч. Москва. – 1997. – 8 июля. – С. 7

Аркадий Вайнер: «Я поклялся, что «Места встречи» без Высоцкого не будет»

Мой собеседник, один из знаменитых братьев-писателей, не считает, что Вайнеры совершили переворот в популярном жанре.

– Я не думаю, что мы совершили какую-либо революцию. Я думаю, что мы изначальным понятиям вернули утраченный ими смысл. Имело место стойкое представление о жанре детектива, как о чем-то, находящемся вне пределов литературы. Мы провозгласили, что произведение, в основе которого лежит тот или иной криминальный факт или чья-либо криминальная жизнь, должно осуществляться как обычное безъярлычное произведение литературы: должно быть подчинено законам драматургии, законам стилистики, языка. В меру сил мы старались эту программу в своих книгах осуществить.

В 70-е годы братья Стругацкие обратились к Вайнерам с предложением написать вместе роман. Предполагалось, что сюжетная линия Стругацких будет фантастической, а Вайнеров, соответственно, детективной. Стругацкие написали свою часть (впоследствии они доработали ее в роман «Отягощенные злом»), а Вайнеры по каким-то причинам не написали. По каким?

– И горячо любимые нами Стругацкие написали, и мы кое-что написали. Но потом по разным жизненным причинам этот замечательный проект не удалось довести до конца.

– А можно уточнить: по каким причинам?

– По жизненным причинам.

– Знаете, когда я демобилизовался, мы с другом (тоже дембелем) как-то частенько оказывались на танцплощадке, но не танцевали, а стояли в стороне и неумеренно иронизировали. Мы казались себе стариками. Но уже через год отплясывали вовсю и чувствовали себя даже более юными, чем на момент призыва. Тогда я первый раз столкнулся с тем, что возраст – это нечто плавающее. На сколько вы себя ощущаете?

– Я себя чувствую лет на восемнадцать, ну может быть, двадцать – с коррективой на опыт.

– Ходит слух, что, когда выходил телефильм «Место встречи изменить нельзя», вы сняли свое имя с титров, потому что там играл Высоцкий, нежелательная для начальства фигура, и якобы Вайнеры испугались конфронтации с властями, а потом, когда картина стала набирать популярность, – вернули...

– Я не знаю кто, может, это Садальский распространяет? Мы ссорились по конкретному вопросу (который я не хочу в интервью объявлять) с режиссером, но это – басни.

– Почему Садальский?

– Это его хлеб. Жить на сплетни и гнусные скандалы. И он готов продать за родную мать, а в данном случае – родной фильм, благодаря которому его вообще кто-то увидел и узнал, и откуда он начал и пошел, и откуда взялась его дешевая, но популярность.

– Он не актер, не журналист. Почему «хлеб»?

– Он и не журналист, и не актер. Он очень плохой профессионал и там, и там. Держится на скандалах и издает соответствующую газетенку.

Высоцкий до последнего дня оставался моим другом. Высоцкий мечтал сниматься в этой картине, а я мечтал, чтобы именно он сыграл роль Жеглова. Он первый пришел с предложением себя – как только прочитал подаренную ему мной книгу.

– То есть еще не было сценария, ничего?

– Ничего. Вообще ничего.

– Инициатива Высоцкого.

– Сыграть Жеглова? Да. Которую я горячо поддержал. А поскольку ему не был открыт доступ на телевидение, то, любя его, я поклялся, что мы не будем ставить картину, пока не пробьем его на роль. И мы добились этого благодаря своим связям в МВД. И это он пригласил режиссера, попросив нашего на это согласия. Мы Говорухина тогда не знали. Так что все это глупые и гнусные сплетни вокруг известного явления искусства. И достаточно об этом.

Юрий СОЛОДОВ